ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 33-й
№ 64 (4343)

Вторник, 30 мая 1961 г.

Цена 4 коп.

СОВРЕМЕННОСТЬ — ДУША ЛИТЕРАТУРЫ

КОММУНИЗМ вступил в нашу жизнь. Его строительство — повседневное дело Коммунистической партии, советского народа, личное дело каждого из нас.

В героической армии строителей коммунизма советские писатели занимают свое очень ответственное место. Опубликованная в седьмом номере журнала «Коммунист» статья Н. С. Хрущева «К новым успехам литературы и искусства» — боевая программа их деятельности, программа, отмеченная исключительным уважением и доверием партии к творчеству советских писателей, деятелей искусства. В преддверии XXII съезда партия еще раз подчеркнула, какую неизмеримо важную роль играет советская литература в деле грандиозного преобразования общества.

«Работники литературы и искусства, — сказал Н. С. Хрущев, — всегда были и являются верными помощниками Коммунистической партии во всех ее делах. Значение их творческой деятельности особенно возрастает в настоящее время, когда коммунистическое воспитание трудящихся, формирование нового человека стало одной из самых насущных задач партии. Среди многих средств идеологической работы, которыми располагает партия, мне хотелось бы здесь подчеркнуть значение литературы и искусства, обладающих *большой силой* художественного, эмоционального воздействия на чувства и сознание людей».

Широкое народное признание приобретают сегодня именно такие книги, в которых горячо бьется пульс современной жизни, которые действительно помогают людям понимать и изменять мир.

Именно поэтому партия с такой настойчивостью призывает художников работать над современной темой.

Партийный документ «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», речь Никиты Сергеевича Хрущева на Третьем съезде писателей СССР, встреча руководителей партии и правительства с представителями творческой интеллигенции — все это сыграло в жизни нашего искусства исключительно важную роль. Наша великая многонациональная литература круто повернулась к современности. Она стремится создать характеры незаурядные, крупные, разносторонние, выхваченные из горнила сегодняшней жизни. Только за последние годы наш читатель получил такие произведения, как «За далью — даль» А. Твардовского, «Судьба человека» и вторая книга «Поднятой целины» М. Шолохова, «Кровь людская — не водица» М. Стельмаха, «Ледовая книга» Ю. Смуула, «Соль земли» Г. Маркова, «Капля росы» В. Солоухина, «Дневные звезды» О. Берггольц, «Сильнее бури» Ш. Рашидова, «Черные скалы» М. Гусейна, «Войди в каждый дом» Е. Мальцева, «Орлиная степь» М. Бубеннова. Появились новые произведения о современности С. Антонова, Чингиза Айтматова, С. Сартакова, С. Бабаевского, Ф. Абрамова, В. Липатова, В. Тендрякова, Г. Семдейли, В. Ажаева, Л. Обуховой и другие.

По всей стране, с запада на восток, ведет читателя своей поэмы «За далью — даль» А. Твардовский. Поэт развертывает перед читателем необозримую панораму жизни великого государства, со всей партийной страстью своего таланта рассказывает о том, чем дышит страна, как строит, что она пережила и к чему стремится. Шагнул в жизнь герой нового романа Е. Мальцева «Войди в каждый дом» Егор Дымшаков, настоящий коммунист, с бесстрашной принципиальностью защищающий партийное дело от приспособленцев и очковтирателей. Страстные споры вокруг прораба Балуева из повести В. Кожевникова «Знакомьтесь, Балуев», споры на страницах газет и журналов, на читательских конференциях и в читательских письмах, с неопровержимой убедительностью показывают, как нужен людям разговор о характере коммуниста, как важно знать им «делать жизнь с кого».

Много новых книг стало и на поэтическую полку. Это — стихи А. Прокофьева, Н. Тихонова, А. Суркова, М. Светлова, А. Малышко, П. Бровки, Р. Гамзатова, В. Федорова, Э. Межелайтиса, М. Алигер, Р. Рождественского, Е. Винокурова, Е. Евтушенко, В. Цыбина, А. Поперечного и других.

На сцене наших театров появились интересные современные пьесы.

Насколько обострился интерес к современной теме, свидетельствует расцвет очерка. Именно очеркисты с наибольшей полнотой и оперативностью рассказывают сегодня об огромных изменениях, происходящих в стране. Они первыми открывают нового человека.

Однако еще многие пласты народной жизни ждут своего крупномасштабного выражения в литературе. Целой эпохой в жизни страны стало освоение целинных земель, но до сих пор об этом удивительном штурме мы еще не прочли книги, которая по своей художественной силе была бы равна лучшему, что создано нашей литературой, и оказалась бы достойной подвига целинников. Движение на восток страны, где сейчас на сибирских просторах бурлит грандиозное строительство, еще не осмыслено литературой во всей его значимости. Весь мир потрясен фантастическими подвигами советской науки, но искусство до сих пор «не открыло» еще характер современного советского ученого. Мало книг о героическом рабочем классе нашей страны, книг, которые бы рассказывали не только о производственной деятельности современного рабочего человека, но о его характере и устремлениях.

ФОРМИРОВАНИЕ нового, коммунистического человека — одна из самых коренных проблем современной жизни нашей страны.

Художник должен находиться в самой гуще сегодняшней жизни, на личном опыте знать ее самые сокровенные процессы, близко к сердцу, как свое родное и кровное, принимать думы, чувства, мечты и чаяния советских людей.

Огромные сдвиги, происшедшие за последние годы во всех областях, в том числе и в духовной жизни нашей страны, необычайно обогатили характер нашего современника. Сегодняшний читатель с полным правом требует, чтобы литература показала и объяснила то новое, что проявилось в сознании и психологии народа. Необычайно обострилась потребность в положительном герое литературы, положительном герое именно современной формации.

Настоящим открытием советского характера стал для всего мира подвиг Юрия Гагарина. Мир был потрясен не только техническим могуществом страны, первой запустившей в космос корабль с человеком на борту, но и ее духовным богатством, воплотившимся в личности первого космонавта.

А как много нового в личности советского человека раскрыл январский Пленум ЦК КПСС! «Слушаешь товарищей, которые выступали в дни заседания Пленума с этой трибуны, — сказал Н. С. Хрущев в своей речи на январском Пленуме ЦК КПСС, — и гордишься ими! В речах этих товарищей всех нас, я думаю, не ошибусь, поражало знание дела, влюбленность в свою профессию, страстность и заинтересованность. Это говорили не безразличные люди. Не набор заштампованных фраз, а продуманные, сердцем выстраданные мысли принесли они на заседания Пленума, делились с нами своими думами».

В этих словах очень точно определен характер сегодняшнего положительного героя, то, что партией воспитано в наших людях и что сама жизнь требует от них. Смелая инициатива, личная ответственность за все, начиная с капли молока, зерна пшеницы, детали станка и кончая крупнейшими вопросами управления хозяйством, производством, всемирно важными вопросами борьбы за мир на земле, и не только ответственность, личное вмешательство во все эти дела, способность и желание отдать им свою творческую энергию — вот что особенно характерно для сегодняшнего строителя коммунизма и что современная литература призвана воспитывать в наших людях.

БЛАГОТВОРНОЕ влияние партии, консолидация всех сил нашей литературы на принципиальной идейной основе создали в литературе подлинно творческую атмосферу. Укрепление связи искусства с жизнью народа привело к расцвету творческих индивидуальностей. Активное вмешательство в действительность, расширение жизненных связей, естественно, обогащают личность художника, позволяют реализовать все возможности его таланта. Партийная позиция художника делает эти связи еще более кровными и неразрывными. «Только такой художник может достичь высокого творчества и получить признание народа, который идейно слился с партией, с ее борьбой за осуществление... величественных идеалов и целей человечества», — сказал Н. С. Хрущев.

Большое внимание уделяет партия молодой литературной смене. Появление в самые последние годы целой плеяды молодых прозаиков — результат этого внимания и доверия. О нашем молодом современнике, о молодом поколении конца пятидесятых — начала шестидесятых годов, поколении, которое рванулось в космос, осваивает целину и преобразует Сибирь, рассказывают А. Кузнецов, В. Аксенов, А. Приставкин, В. Амлинский, З. Скунь, П. Халов и многие другие молодые писатели.

Современная тема требует от писателей самого высокого, вдохновенного художественного мастерства. Чтобы книга действовала на людей, оказывала на них влияние, она должна быть написана ярко, талантливо. Не может быть никаких скидок «на актуальность». Бездарная, скучная, равнодушно-иллюстративная, серая книга может нанести только ущерб делу коммунистического воспитания. Вопрос о качестве литературы, о художественном мастерстве ее создателей — это вопрос политический. «Нужны такие талантливые, яркие книги, которыми люди зачитывались бы, — сказал Н. С. Хрущев, — нужны такие фильмы, которые люди смотрели бы с удовольствием, нужна такая музыка, которую слушать было бы наслаждением». И не случайно, что высшей награды для художника — Ленинской премии — удостаиваются произведения, наиболее глубоко, наиболее талантливо раскрывающие большие, жизнеутверждающие темы современности.

ТО, ЧТО в наши дни под руководством Коммунистической партии совершает советский народ, необычно, небывало по своему великому содержанию. Вся предшествующая история человечества не знала такого рода революционного созидательного творчества. Не было исторических движений, в которых участвовали бы такие огромные массы народа. В нашей стране впервые в истории строится общество «самое лучшее из лучших, самое благородное из благородных, какое может создать человек». В политике нашей ленинской партии воплощаются благороднейшие идеалы человечества.

Наша революционная современность, как никакое другое время, дает художнику возможность познать самые глубокие основы человеческого характера и общественного бытия. Настало время создания величайших художественных полотен. У наших художников есть для этого все возможности. В политике партии, в ее идеологии они находят неисчерпаемый источник творческого вдохновения. У них есть верное оружие — марксистско-ленинское мировоззрение. Наша героическая действительность дает им безграничный материал для художественного творчества.

Народ наш готовится к XXII съезду партии. В дни, когда по всей стране поднялась волна трудового соревнования, с новой, удивительной ясностью проявляются характер наших людей, психология нашего современника. Время говорит о себе громко и откровенно. Литература должна ответить ему в полный голос.

ПЕРЕД ЮБИЛЕЕМ ВЕЛИКОГО КРИТИКА

Общественность страны готовится широко отметить 150-летие со дня рождения Виссариона Григорьевича Белинского. В Москве состоялось заседание Всесоюзного комитета по проведению юбилея. На заседании были заслушаны сообщения о подготовке к юбилею. В Государственном литературном музее столицы и в литературных музеях других городов будут открыты выставки о жизни и деятельности Белинского, в библиотеках страны будут проведены вечера, прочитаны лекции и доклады о «неистовом Виссарионе».

Подготовка к юбилею идет во всех республиках Советского Союза. Так, в Грузии и Молдавии созданы республиканские юбилейные комитеты, проведены первые организационные заседания. 13 июня в Кишиневе, 15 июня в Тбилиси состоятся торжественные вечера, посвященные Белинскому.

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР 1 и 2 июня проведет научную сессию памяти великого критика. В дни сессии будут прочитаны доклады о критическом методе, о развитии реализма в освещении Белинского, о Белинском и современной литературной критике и другие. В сессии примут участие ученые-филологи Б. Бурсов, Н. Гей, В. Кулешов, И. Лаврецкий, Ю. Оксман, А. Цейтлин и В. Щербина.

ТВОРЧЕСКИЕ ПОЕЗДКИ

В конце апреля — начале мая Союз писателей РСФСР провел недели русской литературы в Азербайджанской и Туркменской республиках. Писатели Российской Федерации совершили поездки по братским республикам, ознакомились с литературной и культурной жизнью Азербайджана и Туркмении, побывали на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах.

На днях состоялось заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР, на котором были подведены итоги творческих поездок русских литераторов по братским республикам. Участники поездок Г. Марков и С. Баруздин рассказали о встречах с писателями братских республик, о совместной плодотворной работе, которую они провели за время пребывания в Азербайджане и Туркмении. На литературных вечерах, организованных вместе с писателями братских республик, велись большие творческие разговоры об образе нашего современника, об отражении в литературе тех великих свершений, которые стали возможными только в наши дни.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Никулина Л. В. орденом Трудового Красного Знамени

В связи с семидесятилетием со дня рождения и отмечая заслуги в развитии советской литературы, наградить писателя **Никулина** Льва Вениаминовича орденом **Трудового Красного Знамени.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 27 мая 1961 г.

Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева на Украине. На снимке: встреча в Киеве. Фото В. Сычева

Читая майские номера

НОВЬ

«Иркутск — Братск. 1958—1960» — простое обозначение места и времени написания произведения. Похожую строчку мы часто найдем под новым романом, повестью, рассказом или стихотворением. Сегодня это обозначение из формальной справки все чаще превращается в горячее сообщение — оно говорит о том, что все больше и больше боевых позиций занято советской литературой на самых передовых рубежах строительства коммунизма.

Братск 1960 года. Легендарная Ангара. Легендарная гидроэлектростанция. Еще более легендарные люди. О них рассказал сибирский писатель Ф. Таурин, роман которого «Гремящий порог» напечатал журнал «Знамя». Шло строительство, и тут же, на той же стройплощадке задумывались и рождались романы и стихи. Сегодня это обычное явление.

Стоит развернуть майские номера наших журналов, как вас захватывают новости, которые словно бы торопливо, обгоняя одна другую, рассказывают о жизни нашего государства и жизни мира.

Но бывает, что несколько коротких слов говорят о самом глубоком и поразительном свершении века. Автор, строками которого открывается пятый номер журнала «Юность», — первый космонавт Юрий Гагарин. Читателя майских номеров это уже не удивляет. В марте это еще показалось бы фантастикой. Прославленный герой сердечно приветствует читателей «Юности», к числу которых принадлежит он сам. «Хочется пожелать юношам и девушкам нашей страны, — пишет он, — всегда стремиться к высокой светлой цели и достигать ее, несмотря ни на что. Ведь прокладывать дороги в Космосе — дело юных!»

Подвиг Юрия Гагарина — это великий результат народного подвига. И со своей стороны он оказывает огромное влияние на народное самосознание, дает стимул к новым деяниям. «...Подвиг Гагарина, — пишет в пятом номере «Знамени» А. Борщаговский, — обострил гордое ощущение **историчности**, величия нашей жизни. Чувство **истории** и неотделимая от него **гражданственность** — прекрасные черты нашего народа в целом, черты, рожденные революцией, сознательным строительством нового, справедливого мира».

Полет Юрия Гагарина на космическом корабле «Восток» изумил весь мир. Журнал «Иностранная литература» публикует в майском номере стихотворение Го Мо-жо «Навек этот день нам подарен!», письма и телеграммы зарубежных писателей, деятелей культуры, искусства, выражающих восхищение блистательной победой советской науки и техники.

О самых разных сторонах современной жизни советского народа, о ее достижениях, о ее уроках и перспективах рассказывают журналы этого месяца. Секретарь Кемеровского обкома КПСС Е. Разумов в журнале «Знамя» пишет о движении коллективов и бригад коммунистического труда. Очеркист Б. Рахманин («Новый мир») рассказывает о замечательном мастере кукурузных полей Надежде Григорьевне Загладе. Писательница Любовь Кабо (журнал «Юность») — о молодых чабанах Забайкалья. Журнал «Дружба народов» продолжает свои «Беседы о семилетке». Под рубрикой «Дела и люди семилетки» в журнале «Москва» публикуется очерк В. Попова «В поисках героя» и статья директора совхоза «Красный богатырь» П. Чебукина. На страницах Октября» с раздумьями о предстоящем XXII съезде партии выступают писатели Л. Шейнин, В. Очеретин, Г. Марков, Евг. Пермяк.

Есть в сегодняшних очерках и публицистических статьях при всем их «географическом» разнообразии нечто общее — это не столько стремление к информационному, пусть даже подробному рассказу-отчету, сколько желание проанализировать действительность.

И с той же энергией, с тем же чувством глубокой ответственности вмешивается сегодняшняя литература в духовную перестройку общества.

Перелистывая майские номера журналов, можно найти и роман, и повесть, и рассказ о современной жизни. Этот месяц оказался достаточно урожайным. И все же ждешь большего, когда думаешь о масштабных требованиях нашей жизни. В напряженном ожидании XXII съезда живет сейчас страна. Это счастливое ожидание призвана выразить сегодняшняя литература.

Пока идет письмо

В. ВОИНОВИЧ

СЕЙЧАС я отправлю материал в редакцию. Я запечатаю конверт, напишу на нем «авиа» и наклею соответствующее количество марок. От Партизанки до районного города Макинска сто километров. Но машина должна еще завернуть в Ортакшил, Ерголку, Вознесенку и другие села, лежащие на пути. К вечеру, злой и усталый, шофер доведет машину до места назначения. На другой день письмо поездом будет отправлено в Целиноград. Еще день уйдет на полет в самолете и на рассортировку в Москве. Через пять дней, если все будет хорошо, письмо вручат адресату.

На почте сейчас дежурит белокурая девушка, совмещающая обязанности почтальона, радиста и телефониста. Кажется, ее зовут Люба. Посетителей, кроме меня, нет. Пока я пишу адрес и заклеиваю конверт, Люба разговаривает с телефонистом из Ерголки:

— Дежурю, Боренька. Когда встретимся? Не знаю. Ты ведь, небось, женатый. Ну да, все вы так говорите. Да какие ж у меня глаза? Как у всех — серо-буро-малиновые.

Вероятно, как многие телефонисты, они знакомы только голосами. И Борис, наверное, уже не первый раз настаивает на встрече и не впервые интересуется цветом Любиных глаз.

На почту входит совхозный комсорг Сайран Саутов. Лакированный козырек его военной фуражки просовывается в окошко:

— Любушка, надо срочно передать сводку.

— Алло, Борис, потом договорим. Что? Сколько мне лет? Восемьдесят четыре. Ладно, потом. Дай мне Макинку... Макинка, Макинка, Макинка, спишь, что ли? Райком прошу. Райком, примите сводку: «Первая бригада зерносовхоза имени Амангельды, выполнив взятые на себя обязательства...»

Я ЖИВУ в Партизанке уже неделю. На другой день после моего приезда к дому, где я остановился, подъехала украшенная лозунгами агитмашина. Из нее вышел человек и протянул мне руку:

— Максимов, парторг.

— Очень приятно.

— Ну что, поедем по бригадам?

Степная дорога разбита колесами. На ухабах мы с Максимовым подпрыгиваем, как резиновые. Максимов, упершись рукой в потолок, кричит мне в самое ухо:

— Про первую бригаду обязательно напишите. И про бригадира Штарка, Орел!

На орла Владимир Штарк походил мало. Невысокий, коренастый, он стоял на бугорке у вагончика и слезящимися от ветра и солнца глазами смотрел в поле. Там у самого горизонта маячили тракторы.

— Вот скажи мне, Василий Ефимович, что это за безобразие? — неожиданно набросился Штарк на Максимова. — Я бригадир, у меня столько тракторов, а сижу здесь как все равно наблюдатель. Съездить мне туда надо. Посмотреть надо. А на чем я поеду?

— А у тебя что, нет лошади?

— Лошадь. Хорошие люди уже на спутниках летают, а ты мне лошадь предлагаешь. Да на лошади я все поля за неделю не объеду.

— Ну, спутников для каждого бригадира у нас пока еще нет.

— Да мне бы хоть пока мотоцикл дали. Поломается где деталь какая-нибудь, подвез бы на мотоцикле, а то приходится трактор гонять туда-сюда. Самим же дороже обходится. Да чего там, — Штарк огорченно махнул рукой, — дай хоть на твоей машине съезжу.

— Вот и хорошо, — обрадовался парторг. — Валяй. И корреспондента с собой захвати.

Едем. Штарк долго молчит, потом спрашивает:

— А вы, значит, из самой Москвы? Вот когда вернетесь туда, напишите, чтоб нам запчастей побольше присылали. А то ни здесь, нигде не найдешь. Не забудете?

На краю поля стоит трактор со сцепом из четырех сеялок. Машина загружает сеялки зерном. Вот она отъехала. Тракторист дает газ, включает скорость. Неожиданно Штарк срывается с места и бежит за трактором.

— Как ведешь? — кричит он, на бегу размахивая руками. — Стой!

Отодвинув тракториста в сторону, сам садится за рычаги. Проехав метров сто, соскакивает с гусеницы и, проводив трактор глазами, возвращается довольный.

— Что, плохой тракторист? — спрашиваю я.

— Кто плохой тракторист? — удивился Штарк. — Лось? Да он почти самый лучший. Две нормы в день, как закон.

— А что ж вы на него так?

— А это... — Штарк неожиданно смущается, и я вижу, как на его обветренных щеках сквозь коричневый загар проступает румянец. — Стыдно даже говорить. Смеяться будете. Прокатиться захотелось. А попросить просто так неудобно. Маленький, что ли? Разве кто поймет, что душа по этому делу болит. Ведь я двадцать пять лет на комбайне да на тракторе проработал. И вот когда вижу трактор, не могу так, чтоб не прокатиться. Смешно, наверно, да?

— Нет, почему же...

Подходят новые тракторы с сеялками.

Меня знакомят с хорошими и еще лучшими трактористами, я задаю им общие вопросы, они дают мне общие ответы, и я испытываю ужасное чувство беспомощности. Кажется, вот они, герои целины, перед тобой. Садись и пиши. А что писать? Это не так-то просто: увидеть и тут же написать. Говорят, на военном фронте в этом смысле было проще. Там герои и трусы выявлялись в первом же бою. А здесь большой человеческий подвиг состоит из суммы маленьких каждодневных, совершаемых, может быть, на протяжении многих лет.

К примеру, тот же Константин Лось. Шесть лет назад вместе с другими товарищами комсомольцами он приехал сюда, на целинные земли. Но это еще не было подвигом, потому что ехали многие. Вчера у него сломался трактор. Константин сегодня всю ночь ремонтировал его, чтобы сегодня утром как ни в чем не бывало сесть за рычаги. Две нормы он выполнил. Таких случаев не только в жизни Константина, но и в жизни других трактористов бывает тысячи, но все это только случаи. Сложенные вместе, они называются подвигом...

(Окончание на 2-й стр.)

МИР ЖДЕТ, МИР НАДЕЕТСЯ...

Накануне встречи Н. С. Хрущева с Дж. Кеннеди в Вене

ДО ВЕНСКОЙ встречи глав правительств двух великих держав остались считанные дни. Н. С. Хрущев уже в пути. Все те, кто заинтересован в сохранении мира на земле, желают ему успеха.

Миллионы людей во всех странах связывают с предстоящей встречей Н. С. Хрущева и Дж. Кеннеди самые горячие надежды на смягчение международной напряженности, на улучшение обстановки в мире. Это — жизненно необходимо, отвечает кровным интересам всех народов, ибо последние месяцы были тревожными. Тучи войны по-прежнему сгущались на горизонте. На Кубе и в Лаосе еще недавно гремели выстрелы. Гонка вооружений до сих пор продолжается с неослабевающей силой. Западные державы накапливают запасы ядерного оружия. Реакционные круги США призывают к возобновлению опасных испытаний водородной бомбы. Западногерманские милитаристы протягивают руки к оружию массового уничтожения и расширяют сеть своих военных баз в европейских странах. Все это омрачает жизнь и спокойствие народов всех стран. Не удивительно, что внимание всех приковано к Вене...

Выступая 27 мая в Вашингтоне, президент Кеннеди заявил, что хотя трудные и продолжительные дипломатические переговоры необходимы, личные встречи людей, несущих ответственность за важные и порой бесповоротные решения, могут помочь предотвратить опасность и ослабить напряженность. «Эти встречи могут быть полезными», — сказал он, подчеркнув, что такие встречи «могут сыграть реальную и полезную роль в поисках мира», так как важно «понимать тех, с кем приходится иметь дело». «Итак, — сказал президент США, — я еду в Европу не для того, чтобы решить все наши проблемы, а чтобы постараться понять условия, определяющие наши судьбы».

Конечно, за два дня невозможно разрешить спорные международные проблемы. Нельзя исправить в такой короткий срок все, что было сознательно осложнено и запутано врагами мира. Но важно, чтобы была проявлена добрая воля, стремление действительно покончить с «холодной войной». Это помогло бы создать благоприятную почву для разрешения в дальнейшем спорных вопросов, отравляющих международную обстановку.

Советский Союз не раз доказывал свою искренность. Доброй воли нашего правительства не могут отрицать даже такие органы американской печати, как «Нью-Йорк геральд трибюн». «Премьер Хрущев хочет венской встречи в верхах, чтобы разморозить «холодную войну», — пишет газета.

Видный американский промышленник Сайрус Итон заявил: «Я убедился, что в странах социалистического лагеря прилагают серьезные усилия с целью сохранения мира во всем мире. Обстановка, окружающая президента Кеннеди, — иная. Следует отметить, что некоторые видные политические деятели Соединенных Штатов придерживаются весьма узких взглядов. По их мнению, все, что делают капиталисты, всегда морально и правильно, а все, что делают коммунисты, всегда плохо. Следовательно, президенту США придется столкнуться с политической слепотой этих людей...»

Политическая слепота определенных кругов США действительно поразительна. Не считаясь с реальностью, не прислушиваясь к требованиям широчайших кругов общественности всех стран, заинтересованных в мире, они и сейчас, в преддверии венской встречи, призывают Кеннеди продолжать политику «с позиции силы», предъявить Н. С. Хрущеву в Вене ультиматум и тому подобное. Они рекомендуют президенту США «проявить жесткость», «твердость», напомнить о «военной мощи США». Им вторят и некоторые английские газеты. Так, «Йоркшир пост» убеждает своих читателей, что «Соединенные Штаты переходят в наступление в «холодной войне». Более чем странная прелюдия к предстоящей встрече в Вене!

Высказывания «Йоркшир пост», однако, отнюдь не характерны для настроений европейской общественности. Большинство газет и журналов высказывается в эти дни против всего, что может обострить обстановку в мире, призывает покончить с «холодной войной». В связи с венской встречей особенно резко осуждают шаги, направленные к дальнейшему вооружению Западной Германии, критикуют английское и американское правительства за сговор с боннскими милитаристами.

Могут ли способствовать восстановлению доверия между Востоком и Западом последние англо-германские переговоры в Лондоне? — задает вопрос французская газета «Либерасьон». «Вот до чего дело дошло после нескольких лет проведения безумной политики в отношении Западной Германии, когда Круппам и Тиссенам позволили воссоздать еще более колоссальные индустриальные империи, чем те, которые поддерживали пангерманские происки Вильгельма II и Гитлера! Союзники, жертвы нацистской агрессии спорят сегодня друг с другом по поводу того, кто больше поставит оружия бывшим генералам третьего рейха, которые снова возглавляют армию», — пишет газета.

Боннские реваншисты понимают, что их замыслы несовместимы со смягчением международной напряженности, и проявляют в дни перед венской встречей особую нервозность. «Франс-обсерватэр» сообщает, что Бонн опасается, как бы «встреча Кеннеди с Хрущевым не закончилась договоренностью...»

Все эти страхи и ухищрения, призывы к продолжению политики «с позиции силы» не имеют ничего общего с волей народов. Прогрессивная печать Запада призывает президента США накануне встречи в Вене не поддаваться нажиму тех, кто болен политической слепотой, проявить трезвое понимание обстановки, сложившейся в мире.

Вена должна стать важной вехой на пути к миру — таково настоятельное веление времени.

ЛИТЕРАТОР

ВДНХ. Все лучшее, что есть в промышленности и сельском хозяйстве, науке и культуре страны, собрано в этой замечательной школе передового опыта.

Фото А. Лидова

Пока идет письмо

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Как-то с Сайраном Саутовым мы ехали из четвертой бригады и увидели на дороге машину с молочными флягами, в которых возят на поле обед. Недалеко от машины стоял трактор. Он сердито рычал, трогался с места и тут же останавливался, как будто перед ним было какое-то препятствие. Мы подошли ближе и на самом деле увидели препятствие — девушку в сатиновых шароварах и шелковой косынке, сползающей на плечи. Девушка стояла на пахоте и, не двигаясь с места, смотрела на трактор, который грозно приближался к ней.

— Вот хоть задави — с места не сойду, — кричала она Володе Прусакову, который сидел в кабине и делал страшные глаза.

— В чем дело? — строго спросил Сайран.

— Комсорг, забери ее, — высовываясь из кабины, взмолился Володя.— Встала перед трактором: «Не уйду, говорит, и все». Да ведь это ж хулиганство. Да ведь если я скажу, — он опять повернулся к девушке, — тебе за это пятнадцать суток дадут.

— Пускай дают, — неожиданно расплакалась «хулиганка». — Все равно не уйду, пока не пообедаешь. — Концом косынки она размазывала слезы по пыльным щекам.

— Эх ты, — сокрушенно вздохнул Володя. — Ничего ты не понимаешь. Я ж еще не заработал на обед. У меня план.

— А у меня тоже план. Мне всех людей накормить надо.

— А ну тебя. — Прусаков соскочил на землю и нехотя побрел к машине. — Одно слово — баба, — сказал он презрительно.

ДОМ, в котором я живу, стоит на берегу речки, не имеющей никакого названия. Речка мелкая, машины через нее ходят вброд. Исчерченный кривыми линиями дорог, противоположный берег поднимается высоко и заслоняет собой горизонт. Кажется, это и есть край земли. Но это только начало. Основные поля совхоза — на той стороне.

Совхоз занимает площадь в пятьдесят шесть тысяч гектаров. Трактору со сцепом из четырех сеялок, чтобы засеять такую площадь, придется почти дважды совершить кругосветное путешествие. В совхозе сто сорок семь тракторов. Сто сорок семь трактористов и вчетверо больше сеяльщиков совершают это путешествие коллективно за несколько дней.

Я спускаюсь к речке и слышу отдаленный гул тракторов. Ночью, когда стихают другие звуки, этот гул слышится явственней и дальше. Ни на одну минуту не прекращается работа. Такое уж горячее время. Оно бывает дважды в году — в посевную и в уборочную.

В прошлом году весь май шли дожди. Посеяли поздно. А осенью ударили ранние морозы. Урожай был неважный. В этом году погода чудная. Тем, кто сейчас на курорте — Боровое здесь совсем рядом, — повезло.

Но вот стало душно. Небо затягивается облаками. Низко над водой летают ласточки. Будет дождь!

Дождь! Он пошел ночью. Зашелестел по стеклам и по шиферным крышам.

На крыльце конторы стоит Штарк. Лицо мрачное:

— Ну как вам наша погода?

— Так себе.

— Все как в Москве, — мрачно острит он. — Только дома пониже да асфальт пожиже. Теперь у нас праздник. Деньги получать будем, в баню пойдем. — И вздыхает. — Сегодня по плану должны были все закончить. Вот так мы живем. Тут хоть сто обязательств бери, а дождь пошел — все пропало. Правда, с метеостанции звонили, вроде дождя больше не будет, да ведь на них надежды нету. Как говорится, «какая погода будет завтра, скажем послезавтра»...

Метеорология кажется многим наукой довольно приблизительной. Но на этот раз она не подвела. После обеда выглянуло солнце.

И вот я стою на почте и слушаю, как Люба диктует в трубку: «Первая бригада зерносовхоза имени Амангельды, выполнив взятые на себя обязательства...».

Я срочно отправляю письмо в редакцию, но пока оно идет, происходят новые события. Другие бригады заканчивают посевную. Шестая, вторая, четвертая...

Петляет по полям степная дорога. Стоят вдоль дороги столбы. В провисающих проводах гудит ветер. А может быть, это не ветер. Может быть, это звучит голос Любы, передающей в район последние сводки. А может быть, сводки она уже передала и теперь обещает Борису, что в это воскресенье они обязательно встретятся.

ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ

Камил ФАЙЗУЛИН

ФЕЛЬЕТОН

Бумажные шоры

ЕЕ РУКАМ хочется поклониться.

Это натруженные руки матери и рабочего человека. Тридцать лет, не зная покоя, они щедро отдавали силу свою и умение людям, стране.

Сейчас эти руки дрожат. Дрожат от обиды.

Всякую другую обиду полировщица четвертого Московского авторемонтного завода Анастасия Михайловна Малина могла бы еще стерпеть. Но обидели, оскорбили и ее заводских товарищей, с которыми она многие годы работает плечом к плечу. Оскорбили их рабочую гордость, их гражданскую совесть.

Еще недавно никто не предполагал, что день, когда заводские рабочие с благодарностью пожимали руку Анастасии Михайловне, говорили ей добрые, трогательные слова, подносили цветы и подарки, станет началом этой печальной и возмутительной истории.

— Потрудилась ты у нас, Михайловна, на славу, — сказали Малиной в тот день на заводе. — Пора и на покой. Работа у тебя не легкая, а годы не малые. Одним словом, если хочешь, можешь идти на пенсию. Отдых ты заслужила с лихвой...

На следующий день Анастасия Михайловна собрала нужные бумаги и отправилась, как полагается, в райсобес.

Тут-то и началось!

— В пенсии мы вам, гражданка, отказываем, — заявили Малиной в отделе социального обеспечения Калининского района Москвы. — Рановато. Не заслужили еще.

— Как так не заслужила? — возмутилась Анастасия Михайловна.

— Вот так и не заслужили. Стажа не хватает. Вы пишете, что работаете полировщицей десять лет, с пятидесятого года, а в трудовой книжке записано с пятьдесят четвертого. Неувязочка получается...

Вернулась Малина на завод, поделилась своей бедой.

— Ты, Михайловна, не расстраивайся, —успокоил инспектор отдела кадров Андрей Матвеевич Сморчков. — Это наша вина. Промашку мы дали. На должность полировщицы мы тебя перевели, а в трудовой книжке отметить забыли. Сейчас исправлю, и будет полный порядок.

Инспектор внес нужную поправку, поставил печать, собственноручную подпись и, посоветовав Анастасии Михайловне не падать духом, снова отправил ее в райсобес.

Райсобесовцы подозрительно повертели в руках книжку и вернули обратно.

— Не пойдет, — решительно заявили они, — исправленным документам не доверяем. Знаем мы эти поправочки да помарочки, не первый раз. На таких штучках нас не проведешь.

— Так ведь не я исправляла. — попробовала возразить Малина. — Сам инспектор отдела кадров исправлял. Сам ошибся, сам исправил. Там и печать, и подпись его стоит.

— Мало ли что там еще наисправляет ваш кадровик! Повидали мы этаких добрых дядюшек. Мы только документу верим. И чтобы документ был точный, по всей форме...

И снова побрела Анастасия Михайловна на завод.

— Вот ведь бюрократы бумажные! — искренне возмутился инспектор отдела кадров. — Ладно, не горюй, Михайловна. Нужен им документ без поправок — дадим им без поправок. Выпишу тебе дубликат трудовой книжки — и делу конец. Теперь уж ни к чему не придерутся, ручаюсь головой!

А между тем собесовцы и на сей раз не дрогнули. Получив новенький, без помарок дубликат трудовой книжки Малиной, они еще раз проявили завидную стойкость.

— Да вы что, уважаемая, смеетесь над нами, что ли? В одной книжке у вас значилась работа полировщицей с пятьдесят четвертого года, в другой — с пятидесятого.

— Так ведь я действительно с пятидесятого... Десять лет полировщицей работаю, — защищалась Малина. — Можете сами проверить на заводе документы.

— Проверяли. Врут ваши документы. Подделками там у вас на заводе занимаются.

— Бумагам не верите — живых людей спросите, — не сдавалась Анастасия Михайловна. — Двадцать семь лет на заводе работаю... Меня каждый знает, каждый вам подтвердит.

— Подтвердить все можно, уважаемая. Мы словам верить не можем... Не имеем права.

— Так ведь не словам, людям поверьте.

— Демагогией занимаетесь, гражданка! Для нас единственным основанием является документ. Мы верим только документам. А люди, сами понимаете, не документ. Людей к делу не подошьешь!

Но люди думали по-иному. Они советовали Анастасии Михайловне не отступаться — не везде же, в конце концов, сидят такие холодные бумажные души. Пусть Малина напишет в Мосгорсобес, там поймут, поговорят на заводе с людьми и разберутся, на чьей стороне правда. Не может быть такого, чтобы верили какой-то одной бумажке, а живым людям, целому заводскому коллективу веры не было. Не может быть такого, чтобы бумажка была сильнее человека.

Однако бумажка оказалась сильнее. Она вскоре пришла, эта бумажка, обидевшая и оскорбившая рабочих, которым не поверили, с которыми не пожелали даже говорить.

Бывшая заведующая Московским городским отделом социального обеспечения тов. Шахова скупо сообщала, что Малиной правильно отказано в пенсии, так как у нее не хватает стажа работы в должности полировщицы.

Тогда в защиту справедливости и законных прав Малиной поднялись заводские коммунисты. Директор завода А. М. Слуцкий и секретарь партбюро Н. В. Егоров обратились с официальным письмом к министру социального обеспечения РСФСР Нонне Александровне Муравьевой, лично подтверждая, что Малина с августа 1950 года работает на заводе полировщицей.

«На заводе, где работает до сих пор тов. А. Малина,—писали они,—работают десятки рабочих, ИТР и служащих с 1931 года, в том числе секретарь партийной организации тов. Н. Егоров, главный инженер тов. П. Майков, начальник цеха тов. И. Узинский, начальник отдела кадров тов. А. Сморчков, которые лично подтверждают, что тов. А. Малина действительно работает полировщицей с 1950 года, и она совершенно не повинна в том, что администрацией цеха и завода не был издан в 1950 году приказ о ее переводе в том же цехе на должность полировщицы.

Мы считаем, что районный отдел социального обеспечения подошел к решению о назначении пенсии тов. А. Малиной неправильно — чисто формально, и поэтому просим вас дать указание райотделу соц. обеспечения Калининского района о пересмотре своего решения в отказе пенсии тов. А. Малиной».

Отправив письмо, директор завода стал утешать Малину.

— Теперь-то, Анастасия Михайловна, можешь спать спокойно, считай, дело твое выиграно. Послали мы нынче письмо самому министру социального обеспечения — Нонне Александровне Муравьевой. Уж поверь мне, министр во всем разберется и наведет порядок. Кое-кому, я думаю, и холку намылят за все эти бюрократические фокусы. Это точно.

Нам неведомо, попало ли директорское письмо к министру или прочел его кто-нибудь рангом пониже. Не беремся утверждать также, и кто распорядился им — сама ли Нонна Александровна или кто другой, но только вскоре на завод из министерства пришел ответ. В ответе этом заместитель начальника пенсионного управления тов. Забазлаев сообщал, в частности: «Установить свидетельскими показаниями характер работы гр. А. Малиной не представляется возможным. Ввиду отсутствия у нее необходимого льготного стажа, подтвержденного документами, назначить гр. Малиной в настоящее время пенсию на льготных условиях не представляется возможности».

Почему, спрашивается? Разве трудно установить, как и сколько лет работает человек? Куда уж проще — иди на завод, поговори с живыми людьми, и делу конец. Но это, оказывается, будет против правила.

Печально это. Ведь дело Малиной побывало во всех инстанциях органов социального обеспечения — от районного отдела до самого министра.

Здесь мы хотели поставить точку. Но история Малиной вдруг обернулась самым неожиданным образом. Руководители завода, те самые люди, которые еще вчера били себя кулаками в грудь, подбадривали Малину и отчаянно штурмовали кабинеты органов социального обеспечения, неожиданно дрогнули и позорно капитулировали перед ликом все той же всесильной канцелярской бумажки. Позабыв о принципиальности, обо всем на свете, больше всех перетрусил перед грозным ликом циркуляра ведающий заводскими кадрами Андрей Матвеевич Сморчков. Но это дело его совести — ведь ему смотреть людям в глаза. Что касается истории Малиной, то на заводе, быстро поладив с министерством, нашли общее компромиссное решение, стали уговаривать ее:

— Ты уж извини нас, Михайловна — все так неловко получилось... Но документ есть документ, ничего не попишешь. Придется тебе еще годочек поработать...

Анастасия Михайловна Малина может, конечно, поработать еще и год, если надо, и два. Но какой бумажкой залечишь глубокую человеческую обиду и оскорбление недоверием, больно ранившие душу Малиной и ее заводских товарищей?!

Нет, мы не против документов, документов точных и необходимых. Мы тоже за бдительность. Но когда бдительность это только безрассудная, слепая вера в бумажку, а она, канцелярская бумажка, превращается в шоры на глазах и душах людей, которым доверена почетная обязанность — забота о советском человеке, — надо идти в бой.

Вот почему, когда слушаешь историю полировщицы Анастасии Малиной, смотришь на ее натруженные рабочие руки, дрожащие от обиды, вас невольно охватывает то же чувство — чувство гнева и обиды за человека.

Издано „Советским писателем"

АСЕЕВ Н. Зачем и кому нужна поэзия. 315 стр. 20 000 экз. 75 коп.

ВИШНЕВСКИЙ В. Статьи, дневники, письма о литературе и искусстве. Составление и примечания Ц. Дмитриевой. Вступительная статья А. Макарова. 702 стр. 6 000 экз. 1 руб. 52 коп.

ДНЕПРОВ В. Проблемы реализма. 371 стр. 20 000 экз. 89 коп.

МАНСО А. Дорога к рассвету. Стихи. Авторизованный перевод с испанского. 91 стр. 2 000 экз. 10 к.

РУДНИЦКИЙ К. Портреты драматургов. 399 стр. 5 500 экз. 91 коп.

РЫКЛИН Г. Простите, читатель... Фельетоны и рассказы. 165 стр. 50 000 экз. 30 к.

ХЕРАСКОВ М. Избранные произведения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. Западова. 410 стр. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е издание.) 20 000 экз. 81 к.

ЧЕРНЫЙ О. Пути жизни. Роман. 551 стр. 30 000 экз. 91 к.

ШИШОВА З. Многолетье. Стихи. 77 стр. 3 500 экз. 10 к.

НОВЫЕ СТИХИ

Степан ЩИПАЧЕВ

***

Не каждый стих зовет и греет,
Не с каждой строчки свет зари.
Довольно ямбов и хореев,
Ломайте их, черт побери!

Но если выношено слово,
Еще не знающее мер,
Оно само задаст размер,
И не захочется иного.

НА ПЯТОМ СЪЕЗДЕ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В Берлине закончил свою работу V съезд немецких писателей, проходивший под девизом «Глубже и шире вторгаться в жизнь». В докладе председателя правления Союза немецких писателей Анны Зегерс, сделанном в день открытия съезда, и развернувшихся затем прениях был дан критический анализ состояния современной немецкой литературы. Сильное преобразующее воздействие на людей, подчеркнула А. Зегерс, может оказывать только искусство, идущее от правды, от действительности. В прениях по ее докладу выступили крупнейшие писатели Германии, в том числе и западногерманские литераторы. Ораторы говорили о том, что прозаики, поэты и драматурги ГДР создали ряд новых произведений, в которых воплощены думы, чаяния, стремления немецкого народа, в которых осуждается фашизм и германский империализм, звучит страстный призыв к борьбе за мир.

В докладе о западногерманской литературе Герман Кант подчеркнул, что многие писатели ФРГ выступают за мир, против войны. В то же время в Западной Германии, говорит он, издаются книги, выдержанные в милитаристском духе, оказывающие разлагающее влияние на молодое поколение.

В адрес съезда поступило письмо от Центрального комитета Социалистической единой партии Германии, горячо встреченное делегатами. В нем выражается уверенность в том, что съезд положит начало новому, более высокому этапу в развитии немецкой литературы.

С приветствиями к съезду обратились иностранные делегации. От имени советских писателей съезд приветствовал Вадим Кожевников.

Участники съезда послали телеграмму известному немецкому писателю Рихарду Шерингеру, арестованному западногерманскими властями за антифашистскую деятельность.

Избрано новое правление союза, в которое вошли писатели разных поколений. Среди них — Анна Зегерс, Вилли Бредель, Куба, Стефан Хермлин, Ганс Мархвица, Стефан Гейм, Макс Циммеринг, Отто Браун, а также талантливые молодые писатели Вольфганг Нейгауз, Пауль Винс, Гельмут Гауптман, Отто Нахбар и другие. Председателем Союза немецких писателей избрана Анна Зегерс, ее заместителями — Ганс Мархвица и Эрвин Штриттматтер.

БЕРЛИН, 29 мая.
(По телефону)

Наш корр.

ПО СЛЕДАМ НЕОПУБЛИКОВАННОГО ПИСЬМА

ОБМАН РАЗОБЛАЧЕН

В январе нынешнего года в редакцию «Литературной газеты» обратилась читательница М. Ракита. Она писала о том, что ее муж, учитель Никаноровской начальной школы Чутовского района Полтавской области А. Бондарь, компрометирует звание советского учителя, недостойно ведет себя в быту, районо об этом известно, но никаких мер заведующая не принимает.

Редакция направила это письмо в Министерство просвещения УССР.

Зам. начальника управления кадров министерства И. Бабицкий сообщил редакции, что большинство указанных в письме М. Ракита фактов подтвердилось. В связи с тем, что А. Бондарь не обеспечивает учебно-воспитательной работы и скомпрометировал себя недостойным поведением, он освобожден от работы учителя Никаноровской начальной школы.

Но вот в редакцию пришло новое письмо М. Ракита. Она написала: «Несмотря на то, что Министерство просвещения УССР сообщило вам об отстранении А. Бондаря от работы в школе, он до сих пор учительствует. Да еще смеется, — мол, все равно «Литературная газета» ничего с ним не сделает...»

Наш корреспондент проверил этот довольно редкий в газетной практике случай. М. Ракита оказалась права. Ответ Министерства просвещения УССР редакции был основан на ложной информации заведующей Чутовским районо Е. Якимчук: правой рукой она подписала докладную в облоно, что факты в отношении А. Бондаря подтвердились и с работы он снят, а левой начертала приказ — оставить Бондаря в школе до конца учебного года, а потом, согласно его заявлению, освободить... по собственному желанию.

Е. Якимчук, видите ли, побоялась, что вновь повторится случай, который произошел с Бондарем года четыре назад. Тогда его уволили из школы за непригодность к учительской работе. В качестве доказательств наряду с другими документами фигурировало и заявление А. Бондаря, в котором этот, с позволения сказать, учитель умудрился сделать 38 ошибок. Но суд все же восстановил Бондаря на работе. Что касается безграмотного заявления, то суд не признал его «вещественным доказательством» по той причине, что писал его Бондарь, видимо, в нетрезвом состоянии (!).

Вот зав. районо и решила, что вышестоящим органам можно «отписать», что меры приняты и зло наказано. А пока там разберутся что к чему (да и станут ли разбираться!), Бондарь уволится по собственному желанию (такое заявление Е. Якимчук у А. Бондаря предусмотрительно взяла), а потом, смотришь, и совсем уедет из райсна.

Но обман не удался. Приказом по Полтавскому облоно на заведующую Чутовским районо Е. Якимчук наложено административное взыскание.

Не знаем, удовлетворится ли таким решением Министерство просвещения УССР. Но случай этот лишний раз свидетельствует о том, насколько порочна все еще имеющая место практика пересылки жалоб тем, против кого они написаны.

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Анна БРОДЕЛЕ

ДВА года тому назад в 6-й класс рижской средней школы имени Леона Паэгле пришла Инара Рой. Школа тепло встретила новую ученицу. Вскоре она была уже редактором школьных радиопередач и заместителем старосты литературного кружка, товарищи выбрали ее в комитет комсомола. Девочка хорошо училась. И все, наверное, было бы хорошо, если бы не отец Инары.

— Инара, — строго спрашивал он, — ты знаешь физику на пять?

— Знаю, — шептала Инара.

— Ну вот, видите, — обращался Рой к учительнице, — она знает физику на пять, а вы какую отметку ей ставите?

Тщетно директор школы и учителя пытались объяснить Рою неправильность его поведения. Он неизменно отвечал, что сам прекрасно разбирается в педагогике.

Однако, несмотря на энергичные протесты отца, Инара приходила домой и с четверками.

Тогда Рой объявил войну школе, обрушившись главным образом на классную руководительницу Страуме и преподавательницу Круминь. Случай этот поражает неимоверной наглостью Роя и мягкостью республиканских учреждений народного образования, каждый раз отступавших под натиском папаши. Рой не пощадил даже девочку и сделал ее активной участницей в своей борьбе.

20 октября прошлого года Инара передала директору школы письмо, в котором обвинила учительницу Круминь в грубости, клевете и нечестности. Заодно ученица разъяснила директору, чем отличается советская школа от школы в капиталистической стране, каким должен быть советский учитель, и в категорической, ультимативной форме поставила свои условия: «От этих оценок отказываюсь. Буду отвечать только новый материал по программе».

Это было уже «ЧП».

Срочно собрали педсовет. Да поздно спохватились. Девочка оказалась целиком под влиянием отца, ей самой уже нравилось пребывать в роли обиженного вундеркинда.

Через неделю педсовет вынужден был пойти на крайнюю меру — перевести ученицу Рой в другую школу.

Узнав об этом, Рой отправился в исполком и заявил, что учительница ударила его дочь и теперь девочку исключают из школы, чтобы избавиться от свидетеля преступления.

Рижский горком партии назначил специальную комиссию в составе двух опытных педагогов и старейшего партийного работника. Комиссия установила, что жалоба Роя тенденциозна и приказ о переводе Инары в другую школу правилен. Но неутомимый Рой, к всеобщему удивлению, добился того, что заведующая Рижским гороно Эглова отменила ею же утвержденный приказ и возвратила Инару в школу имени Леона Паэгле.

Новое решение Эгловой еще больше развязало ему руки. Рой дошел до того, что подал на учителей жалобу в прокуратуру.

Учителя и родители других учеников пытались убедить Инару извиниться перед директором и оскорбленной ею учительницей. Но именно этого больше всего боялся Рой.

— Нет, — заявил он на коллегии Министерства просвещения Латвии, когда дошло дело до коллегии, — если девочка извинится, то выходит, что я клеветник...

Во что превратилась бы школа, если бы родители стали диктовать, какие отметки ставить их детям, а учащиеся — отказываться от неугодных им отметок? Какими бы выростали наши дети, если бы им внушали, что скандалами и всяческим ловкачеством можно добиться в жизни чего угодно?

Коллегия Министерства просвещения не сумела защитить авторитет школы, не осудила диких для нашего общества методов воспитания. И вообще ни в одной инстанции Роя не одернули, не поставили на место, а, наоборот, позволили ему развернуться во всю ширь.

По всей видимости, и Министерство просвещения сочло за благо тактику отступления перед демагогом.

Инара снова занимается в 8«А». Две учительницы — Круминь и Страуме вынуждены были расстаться с классом. Обстановка в школе крайне напряженная. Рой не успокоился и на этом. Наоборот, он, как говорится, вошел во вкус и продолжает строчить жалобы на директора и других учителей школы имени Леона Паэгле.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция направила в Ригу специального корреспондента О. Ширанкову. Вот что сообщает она:

Я хожу из учреждения в учреждение, слушаю людей, занимающихся разбором жалоб Роя, листаю пухлые папки, заведенные специально для Роя.

Наконец, встречаюсь с самим героем этой печальной эпопеи — невысоким человеком ничем не примечательной внешности. На лице он неизменно сохраняет добренькую угодливую улыбку или гримасу наигранного негодования. Настороженность, которая в нем постоянно живет, проявляется, пожалуй, лишь в некоторой суетливости движений. Ищущие, что-то нащупывающие пальцы то и дело оглаживают подходящую к случаю бумажку. Нужные документы появляются внезапно и таинственно, как карты из пальцев фокусника.

Я выслушиваю подчас нарочито бессвязные («уж такой я, вы меня извините, мое дело резать правду-матку, а всяким там ораторским штучкам мы не обучены»), подчас заученно патетические монологи Роя («распустились они здесь, распоясались»). Терпеливо читаю бесконечные бумаги, которые он веером расстилает на столе, и вот передо мной встает истинный облик этого человека.

Писательница Анна Броделе, несомненно, права: это демагог и клеветник, непостеснявшийся превратить собственных детей в орудие грязной игры. Если в этой игре надо заставить детей лжесвидетельствовать против своих учителей, он понуждает их к этому, не задумываясь о последствиях, о том, как калечит это души ребят. На многочисленных комиссиях, которые разбирали его, Роя, заявления, было с очевидностью доказано, что автор этих заявлений сутяга. Но только ли сутяга? Думается, что тип этот вреднее банального демагога-жалобщика.

Стоит только внимательнее приглядеться, и видишь, что и бесконечные заявления, и гневные «правдоискательские» речи — это откровенная спекуляция на нашей советской демократии.

Рой в свое время оставил без помощи две семьи. Даже родной матери он вынужден платить алименты. С прежней работы его сняли за взятки. В 1950 году Рой был осужден народным судом за подлог, который совершил, чтобы получить одновременно две пенсии.

И вот этот человек в течение длительного времени шантажирует целый педагогический коллектив, заставляет многие инстанции и десятки людей бросать важные дела для разбирательства его подметных писем.

Рой, вероятно, побил своеобразнейший рекорд по числу учреждений и отдельных лиц, которые были вовлечены в раскручиваемую им карусель. Разбором его сочинительств занимались педагогические советы нескольких школ, специальные комиссии, районные и городские отделы народного образования, коллегия Министерства просвещения Латвии, прокуратура, партийные органы, редакции газет... Занимались вдумчиво, терпеливо, соответственно принципам нашей советской демократии, стоящей на страже интересов каждого человека.

И Рой этими принципами пользовался нагло, беспардонно. Он играл, как на клавишах, на добрых чувствах честных советских людей, заставляя их снова и снова возвращаться к ситуациям, уже, казалось бы, до конца проясненным. Он пользовался для этого всеми психологическими рычагами, пустил в ход все, вплоть до политического шантажа.

Почему же все это сходит ему с рук? Почему?

В ответе на этот вопрос, как нам кажется, и заключен главный урок, который местным организациям следует извлечь из пухлого «дела» Роя.

Безответственность и неуязвимость Роя — это серьезный укор тем, кто занимался его делом. Всем известна полная безосновательность его происков. Казалось, ясно, как следует действовать: не отступать, а наступать, не оправдываться, а разоблачать клеветника. Однако каждый из множества лиц, втянутых Роем в разбирательства, охотно уступал эту обязанность другому. Не действовал ли здесь принцип: «С сутягой лучше не связываться»?

В связи с этим вспоминается реплика прокурора Московского района Риги, с удовлетворением заметившего в беседе со мной:

— Я думаю, что уж ко мне у Роя не будет претензий...

Эти претензии есть у нас. Серьезные претензии и к гражданину Рою, который бессовестно и расчетливо эксплуатировал драгоценный дар Советской власти — нашу самую широкую, самую гуманную демократию. И еще большие претензии ко всем тем, кто позволил ему безнаказанно и расчетливо надругаться над этим «святая святых» советского человека — над правами его личности, над всеми нашими демократическими институтами.

Рой прекрасно знал, что самое большее, что грозит ему, — это вежливое отклонение его происков с неизменным обращением: «уважаемый товарищ». А уж какое тут уважение!

Но представим себе, что в самом начале бурной деятельности от Роя не отписывались, а потребовали бы его к ответу. Надо ли сомневаться, что сейчас вообще не существовало бы никакого «дела» Роя и десятки занятых людей не тратили столько времени и сил понапрасну.

Нельзя умолчать, как пагубно отразилась вся эта история на воспитании школьников, которые учатся с Инарой Рой. Десятки ребячьих глаз внимательно следили за борьбой, не стоящей, в сущности, выеденного яйца. И вот результат: в классе резко снизились дисциплина и успеваемость. Ранее неустойчивые ученики подняли головы. На свои замечания педагоги часто слышат:

— А что вы нам сделаете?

Писательница Броделе права: дочери Роя срочно нуждаются в оздоровительной обстановке. Возможно, самым лучшим для дочерей Роя была бы сейчас учеба в школе-интернате.

Хочется вспомнить разрешение аналогичных проблем в судебной практике. Раньше бывало, что одержимый сутяжник из-за кухонной ссоры доходил чуть не до Верховного суда. Теперь такие дела передают на суд общественности, и многие любители строчить кляузы поломали на этом свои перья.

А что, если бы всю эту историю действительно сделать достоянием коллектива? Обратиться к общественности по месту жительства или работы Роя? Думается, что суд общественности над сутягой был бы строгим и справедливым.

УСТНЫЕ ВЫПУСКИ

Устные телевизионные выпуски «Литературной газеты» состоялись на днях в Сталинабаде и Мурманске.

В этих выпусках приняли участие прозаики и поэты А. Бахори, Г. Гулиа, Л. Зорин, А. Сидки, В. Сикорский, Б. Слуцкий, С. Улугзаде, Н. Чуковский.

Читайте лучшие номера

ТВЕРДЫЙ ХАРАКТЕР

Ст. РАССАДИН

Итак, новая повесть Виля Липатова. Он опять о Сибири — о рыбаках Оби. И опять — как и в «Глухой Мяте» — герои выписаны любовно, осязаемо. И опять... впрочем, этих «опять» можно было бы насчитать немало.

Так что же — значит, все по-старому? Нет. «Стрежень» не просто очередная удача Липатова, а новая удача. Очень важная.

Липатова и раньше трудно было обвинить в бескрылости и бездумности хотя бы потому, что он талантлив. Но все-таки в той же, скажем, «Глухой Мяте» слишком заметно преобладала над мыслью яркая, колоритная, но—описательность.

И вот «Стрежень». Эта повесть конфликтна. Более того: чтобы избежать кривотолков, Липатов настойчиво — даже слишком настойчиво — подчеркивает это. Разберемся же в этом конфликте...

С одной стороны — замечательно дружная, крепкая рыбацкая семья. Здесь и бригадир Николай Михайлович, опытный уважаемый рыбак, имеющий, правда, слабость проводить собрания и «заострять вопросы», и умнейший старик дядя Истигней, и вечное горе бригады—Ульян Тихий. Жизнь его сложилась неладно. В прошлом он — один из лучших штурвальных на Оби, оболганный и списанный на берег; ныне — горький пьяница, успевший побывать в тюрьме. Вся бригада стремится поднять его на ноги, вернуть к прежней жизни. Здесь также забавный грузин Григорий Пцхлава, примерный семьянин, трогательно обожающий свою маленькую жену. И Степка Верхоланцев, обаятельнейший парень — этакий доверчивый теленок, глядящий на мир распахнутыми глазищами. И Наталья Колотовкина, по-юношески грубоватая, тайно и трудно любящая Степку.

Это — бригада. Соль земли. Кто же противостоит ей?

Смешно сказать — всего-то восемнадцатилетняя учетчица, вчерашняя десятиклассница, зарабатывающая «производственный стаж», — Виктория Перелыгина. Какой же она противник этим людям? О каком конфликте может идти речь?

Виктория — деловая, решительная, никому не дающая спуску, гордящаяся своей принципиальностью. Мы долгое время смотрим на нее если и не глазами влюбленного Степки, то, во всяком случае, с мягкой улыбкой. Нам все еще кажется, что это — юношеская горячность, комсомольская непримиримость. Единственное, что коробит с первых страниц, — пренебрежительно-высокомерное отношение к несчастью Тихого. Но и это можно как-то извинить: молодо-зелено, рубит сплеча...

Тем более располагает к Виктории такое:

«— Я думаю о жизни, Степан! Ты, конечно, помнишь слова Николая Островского о том, что жизнь нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...

— Знаю, — говорит Степка, охваченный ее воодушевлением. — От этих слов мороз пробирает!

— Прекрасные слова! — восхищается Виктория... — Ты знаешь, что они вызывают у меня? Желание идти по жизни гордо, решительно, добиться многого, стать большим человеком... Человек живет только в стремлении к большому! — повторяет она. — Иначе жизнь стала бы пустой».

Все хорошо, все правильно. Все очень-очень правильно. И нам — а тем более Степке — пока непонятно, почему дядя Истигней не слишком-то доверяет Виктории, ее пылким и искренним словам.

Что происходит потом? Тоже, в общем, ничего сверхобычного. Во-первых, Виктория порвала со Степкой, сперва беспричинно приревновав его к Наталье, а после обосновав разрыв «теоретически». Во-вторых, бригада отыскала верный способ давать полторы нормы. Областная газета похвалила рыбаков и заодно упомянула всех участников почина, в том числе и Викторию, которая тут была ни при чем.

Пустяк? Конечно. Но Виктория оскорблена. Она видит в этом подачку, снисхождение. Дядя Истигней пытается объяснить: «Мы народ дружный, компанейский, славу меж собой не делим»,—но Викторию заносит. Она обижает Степку, оскорбляет Ульяна Тихого, грубо напомнив ему о тюремном прошлом.

Случай этот даже при горестном его исходе (обида подкосила Ульяна, и он вновь запил) выглядит совсем пустячным в пересказе. Да и в повести он не бог весть что. Ну, не научилась еще Виктория правилам общежития — так ведь научится. Что она такого сделала, в конце-то концов? Оттолкнула Степку? Так сердцу не прикажешь. Обидела Ульяна? Это, конечно, нехорошо, но чего не наговоришь в запальчивости!

Если бы в запальчивости...

Виктория — человек трезвый, неглупый, решительный. У нее уже твердые жизненные принципы, внушенные матерью.

А мать ее, директор школы, по словам Истигнея, «строга, неуклонна... А времена ласковые пошли». Но эти качества не помешали ей самой быть хорошим, душевным человеком, которого ученики не только уважают, но и любят. И вот она растерянно смотрит на свою куда более строгую и неуклонную дочь.

«— Мама, ты учила меня быть твердой!

— Да, да... — машинально произносит Полина Васильевна.

Да, она учила...»

Еще как учила! Чтобы единственная дочь не выросла белоручкой, мягкий, покладистый отец был отстранен от воспитательского дела. Полина Васильевна «не прощала лени, расхлябанности, требовала от Виктории во много раз больше, чем от других учеников... Учила ее быть беспощадной к самой себе, вырабатывала волю, характер, заставляла по многу раз переделывать домашние задания, убирать и без того чистые комнаты, стирать для себя белье и платья, научила готовить обед, вышивать, ухаживать за садом».

Вот сколько всего! Да еще книги, учеба, спорт, — словом, идеальное воспитание.

Так чего не хватило Виктории?

Даже дяде Истигнею, который отлично видит, что она «путает, петляет», даже ему очень трудно выполнить требование Виктории — «конкретно сформулировать» свои обвинения. Так трудно, что автор не выдерживает и в решительный момент объяснения приходит ему на помощь: «С катера доносится зычный крик Стрельникова: «Подхватывай!» Дядя Истигней бросается к берегу, чтобы принять крыло невода».

С облегчением, наверно, бросается.

Да и вправду нелегко сформулировать то, чего недостает Виктории. Ведь «чуткость», «доброта» — это все верно, но эти слова, так часто повторяемые, сами по себе ничего не объяснят. Не может быть, чтобы мать не напоминала о них дочери, — и все-таки вышло вот что:

«Все, чему она учила дочь на основе своего жизненного опыта, Виктория приняла как железное правило поступать без раздумья так-то и так-то в таком-то и в таком-то случае». И если живые люди не подходят под ее раз и навсегда установленные мерки — тем хуже для этих людей.

Мать не хотела воспитать дочь именно такой. А сама Виктория и не подозревает, что она «такая». Она считает себя общественным, настоящим человеком. Она с удовольствием просматривает газеты: «Отличные дела творятся в Африке! Колониальные империи рушатся — так и должно быть!» Она — помните? — вдохновенно повторяет слова Островского и меряет ими свою будущую жизнь: «Человек живет только в стремлении к большому!»

Но как Виктория понимает это «большое»? Она деловито объясняет матери свой разрыв со Степкой: да, она увлекалась им. Но тогда казалось, что у него в жизни есть цель, что он поступит в институт, станет человеком. А Степка «не имеет воли, недисциплинирован», — и, может статься, так и останется простым рыбаком. Виктория и о дяде Истигнее думает снисходительно: всю жизнь проработал, а бригадиром так и не стал. И что уж говорить об Ульяне: на нем ее беспощадно прямолинейное мышление давно поставило безнадежное клеймо.

Вот как вышло. Учили Викторию хорошие люди. По хорошим книгам учили. На хороших примерах. И только одно позабыли: все это не для нее же самой — для людей. И теперь судит она о людях не по содержанию, а по чинам, по одежке.

К этой теме (пока еще новой для него, не вполне освоенной, но принципиально важной) Липатов пришел не случайно. Так и должно было случиться: слишком любит он живую жизнь, уважает реальные вечные ценности, ненавидит всяческую мертвечину. Липатову очень хочется подчеркнуть, что поставленный в повести вопрос об отношении к людям не узковоспитательный, что он важен для современности (времена-то «ласковые пошли»!). Хочется, чтобы все его поняли именно так. Кое-где он даже рвет художественную ткань, прибегает к небогатым иносказаниям.

Например, рассказывает: когда Виктории было десять лет, учительница принесла в школу крохотного Буратино и велела ученикам сделать такого же. У всякого игрушка получилась иной: у кого лукавой, у кого грустной. «Только у Виктории Буратино был точно, как в магазине» — с «бесстрастными, холодными глазами».

Но и этого Липатову мало: он приводит еще сравнение, еще воспоминание, еще аллегорию. Боится, что не поймут.

Повесть идет к концу. Истигней говорит Виктории:

«Не знаю, не знаю — врачом, пожалуй, не станешь. Нет, не станешь! Не дадим пока документа. Нет, не дадим! С первого класса тебе, Перелыгина, придется начинать!.. Жизни тебя учить станем!»

В этих словах больше сожаления, чем гнева. И это точно. Старик понимает: Виктория не сама пришла к своим принципам. Уже задолго до нее истоптали эту дорожку. За Викторию еще стоит бороться. Это точно и потому, что окончательно проясняет суть конфликта. Дело здесь, конечно, не в антитезе: Виктория — бригада. В антитезе двух непримиримых представлений о жизни: того, что искалечило Викторию, и другого, подлинного, идущего от самой изменяющейся жизни.

На этом повесть кончается. Любители определенных концов, наверное, напишут в «Новый мир»: «Дорогая редакция, мне все же непонятно, с кем остался Степка, с Натальей или с Викторией. Мне также непонятно...» и тому подобное. Но этого как будто не знает и автор. Вообще в повести только один человек, которому все ясно от начала до конца,—это все та же восемнадцатилетняя Виктория. А старый мудрый Истигней (вот, наверное, велик был соблазн изобразить традиционного седого вещуна) признается:

«Советы давать опасно, вдруг ошибусь, что потом делать прикажешь? Я сам, Степка, не все еще понимаю!»

Он немного дурачится, дядя Истигней, но в словах этих и серьезный смысл. Жизнь, слава богу, богата и сложна. Она всегда — рано или поздно — опровергает бездушно-казенный подход к ней.

В. Липатов. «Стрежень». Повесть. Журнал «Новый мир», №№ 4 и 5. 1961.

«НАСТАЮЩЕЕ НАСТОЯЩЕЕ»

Время удивительно насыщено событиями. Но апрель 1961 года — дело совсем особенное. 12 апреля наш Юрий Гагарин побывал в космосе. И поскольку в этих заметках речь идет о стихах, да еще о тех, что появились всего месяц спустя после его полета, то можно с удовольствием отметить: из одних только поэтических откликов можно составить книгу—и неплохую книгу! В нее по праву войдут стихи К. Симонова, М. Дудина, О. Берггольц, В. Инбер («Новый мир»), лучшие вещи из большой подборки «Путь к звездам открыт» («Звезда»), стихотворения А. Решетова («Нева»), А. Прокофьева («Юность»), Геворга Эмина («Дружба народов»).

Удивительно много событий! Взлетел Гагарин — и вновь техника и история шагнули вперед, в новое качество. И поэзия должна показать, способна ли она к такому же стремительному и исполинскому шагу.

Думается, достаточно убедительно показывает это цикл Леонида Мартынова «Вознесся в космос человек» («Знамя»). Поэт был внутренне готов к этому событию. Последнее стихотворение цикла заканчивается таким прославлением современности:

Здесь теперь оно!
Видите: вот оно,
не изломано,
не угроблено
и былому не уподоблено,
наяву перед нами встающее,
ни о чем забыть не дающее,
ничего от нас не таящее
настающее
настоящее!

А какие дела еще волновали и волнуют наших современников? Конечно, революционная борьба народов Африки и Кубы. Этому посвятили стихи О. Шестинский («Звезда»), Г. Куренев («Знамя»), Ю. Друнина («Юность»). Е. Евтушенко, уже обративший на себя внимание стихами о заграннце, опубликовал их в майских номерах «Октября» и «Юности».

Все эти стихи выражают горячую симпатию поэтов к героической борьбе народов за свободу. Беда только, что для выражения этой искренней симпатии поэты порою пользуются нехитрой схемой. Обнажить эту схему нетрудно.

Сравните хотя бы следующие строки:

Намертво к пулемету
руки мои прикипели,
намертво прикипело
сердце к чужой стране.
— Патрия о муэртэ!—
вторю бойцам Фиделя,
— Патрия о муэртэ!—
вторят ущелья мне.

(Юлия Друнина, «Юность»)

Я африканец. Я лиловый,
Я цвета ночи и зари,
Я апельсинный и
лимонный.
Я черный, светлый
изнутри.

(Евг. Евтушенко, «Юность»)

Я глазами синь,
Я кожей белый,
Но возьми меня
в свои сыны!
...Надо мной пусть
плачут баобабы(?)...

(Олег Шестинский, «Звезда»)

Словом, местным колоритом, антуражем поэты овладели. Но, как видим, первых ассоциаций, всего, что близко лежит, мало для того, чтобы написать хорошие стихи. И убеждают в этом стихи тех же самых поэтов. Прочтите напечатанные рядом с процитированным выше стихи Друниной «По улице Горького...» и Евтушенко «Дядя Вася». В них — удачные попытки настоящего проникновения в сложный и интересный мир современного человека. А ведь это и есть соответственность в применении к поэзии.

К сожалению, ленинградский поэт Вл. Торопыгин иначе истолковал это понятие. В его большой драматической (а точнее, мелодраматической) поэме «Тобой обещанное» («Нева») действуют наши современники — геологи, журналисты, артисты, учителя. Главные герои этой поэмы: жена-мещанка, муж — нерешительный интеллигент и решительная девушка, которая любит его, но не хочет разбивать семью и потому уезжает. Эти «действующие лица» много раз уже встречались в комедиях и драмах. Так часто, что примелькались. И в поэме Торопыгина они вновь уныло «действуют» в примитивных, банальных ситуациях.

А изъясняются они таким образом:

Ольга

Нас маленькие цели угнетают,
пусть даже эти цели хороши,
и душу нам сперва опустошают,
потом они смертельны для души!
И смотришь: жизнь проходит стороною
и говорит: «Ничем не наделю»...

Андрей

Ах, Ольга, я не знаю, что со мною!..
Мне трудно, Ольга!.. Я тебя люблю!..
...Ты—чем, не знаю—волшебством
незримым
вселяешь силы и вперед ведешь...
Ты мне нужна! Ты мне необходима!
Я... я уйду от Кати!

Ольга

Не уйдешь!

Что тут сказать? Разве лишь то, что стихи эти очень напоминают низкопробную оперетку, куда по ошибке попали и целые строчки из оперной арии Ленского, и высокопарные монологи из трагедий Сумарокова.

Читателю же нужно совсем другое. Ему нужно то, что остро и талантливо, что современно — по мысли, по чувству, по языку.

Станислав КУНЯЕВ

«СМЕРТЬ АГРЕССОРУ!»

Плакат Ассоциации молодых повстанцев Кубы (работа художника Вирхилио). Из журнала «Иностранная литература», № 5, 1961.

Прочтите, это интересно...

Как небо над Асуаном

«Вот уже четвертый десяток лет я езжу из края в край нашей необъятной Родины и чувствую себя счастливейшим человеком. Я строитель». Гордыми словами о счастье созидания начинаются записки советского инженера, Героя Социалистического Труда И. Комзина (журнал «Знамя», №№ 4 и 5, 1961). Вместе со своими товарищами, инженерами и рабочими, он был приглашен на строительство высотной Асуанской плотины в верхнем течении Нила.

Автор рассказывает, как советские проектировщики выиграли соревнование с крупнейшими западными специалистами, как был создан самый совершенный, экономичный проект.

Бывшим колониалистам не удалось сохранить свое влияние в стране, им некогда подвластной. Не помогли поспешно составленные министрами и бизнесменами планы увеличенных ассигнований на «помощь» Египту: народы знают оборотную сторону этой помощи. Правда оказалась сильнее происков и клеветы. И не символично ли, что почти одновременно с началом взрывных работ на плотине французские империалисты провели испытание атомного оружия в Сахаре?

Да, Асуан — тоже фронт. Но «фронт у нас мирный, — пишет И. Комзин. — Наши танки — это экскаваторы и бульдозеры, артиллерия — канатно-ударные буровые станки, а солдаты и генералы — арабские и советские инженеры и рабочие, строящие гидроэнергетический гигант». Это мирный и единый фронт двух народов, это начало их большой дружбы. И, как говорит один из героев записок И. Комзина, пусть она «всегда будет ясной и безоблачной, как вечно ясно и безоблачно небо над Асуаном».

О СОКРОВЕННОМ

Мы ищем в искусстве правды и глубины. Мы ждем, что за поверхностью факта писатель увидит его истинную суть, его сокровенное. И когда эта суть отвратительна, мы говорим: разоблачение, сатира. Когда она прекрасна, говорим: лирика, романтика.

Три новых рассказа Анатолия Кузнецова, опубликованных в пятом номере журнала «Юность», написаны о разном: о двух сердитых утомленных людях, враче и бульдозеристе, вместе пробивавшихся к больному сквозь ненастье и бездорожье; о пожилой учительнице, усталой от грустных дум и одиночества; о робкой девчонке из музыкального кружка с ее неистребимым тяготением к большому искусству.

Но это и три рассказа об одном: о способности человека преодолеть усталость, горе, неудачу, пойти навстречу другим людям и здесь, среди них и ради них, найти в себе новые силы, новую радость и смысл существования.

Разве все не могло бы случиться иначе? Стоило только бульдозеристу Алексею Вахрушеву в первом рассказе, учительнице Карелиной — во втором или столичному композитору — в третьем отнестись к исполнению своего долга сухо и бездушно,— и не состоялись бы их волнующие встречи с другими, еще недавно совсем чужими людьми, и в жизни каждого из них только прибавилось бы горечи, опустошения, усталости. Не было бы и этого краткого диалога композитора и девочки-аккордеонистки, пробудившего в них обоих так много надежд. Не возникло бы ощущения свежести, просветленности финала, где словно рассеянный луч солнца пробивается сквозь тучи. И все происходящее в рассказах, наверное, не совершалось бы во имя детства и юности: заметим, что образ детства — общий для всех них.

Но то были бы уже совсем другие рассказы...

ТОСЬКА И ЕЕ ТОВАРИЩИ

Читая сценарий Бориса Бедного «Девчата», опубликованный в журнале «Искусство кино» (№ 5), невольно задумываешься, почему Тоська Кислицына стала его героиней. Ведь есть там передовик Илья, признанная красавица Анфиса, Вера, переживающая тяжелую драму, Надя, стоящая на пороге семейного счастья. У каждого из них за плечами интересная судьба, они уже успели многое сделать в жизни. Так почему же кинодраматург для рассказа о затерянных в тайге лесных промыслах выбрал главной все же смешную Тоську? Пожалуй, именно потому, что Тоська еще только начинает «взрослую» жизнь, что ее чистое, непосредственное, порою неожиданное отношение к окружающим сразу дает интересный творческий ракурс в раскрытии темы произведения.

Тоська сваливается в общежитие девушек лесного поселка, как снег на голову. В комнате, куда ее привел комендант, она располагается хозяйкой. Она выгребает из тумбочек хлеб, варенье, чай. Так уж повелось в родном детдоме: жить без замков. И вернувшиеся с работы девушки вынуждены покориться веселым порядкам коммуны, которые навязала им новая подружка. Маленькая Тоська учит их жить без замков — с открытым сердцем.

Меняется не только «зазнавшийся» Илья. Тоська сумела взбудоражить всех: словно весенний дождик, смыв пыль, пролился над поселком и его жителями.

Сценарий «Девчата» — полноценное литературное произведение, а не «сырье» для съемок, он написан в удобной для чтения манере прозаической повести.

Фильм «Девчата» уже снимается. Интересно, такие ли будут Тоська и ее товарищи на экране, как представляешь их, читая сценарий?

ПТАШКИН СТАНОВИТСЯ ГЕРОЕМ

Ох, уж этот Яша Пташкин — шутник, балагур, выдумщик. То он сочиняет на ходу смешные истории, вроде той, как сгорела пожарная каланча, то попадает в глупейшие положения, как это было с ним в самый торжественный момент митинга: желая выглядеть внушительно, он надевает купленную у старьевщика пожарную каску тридцатилетней давности, и она, эта «высокая, с остроконечным шипом» каска, вызывает на трибуне и в рядах зрителей неудержимый хохот. «Ну, юморист», — говорят одни. «Ну и шут», — смеются другие.

А он и не шут вовсе. Просто «его редко кто понимал».

И Вика поняла не сразу. Поначалу она недоуменно восклицает: «Ой, да вы все знаете, Яков, вы все знаете...» А банальные слова Пташкина: цветы «пахнут весной и... молодостью» — настолько изумляют ее, что она даже растерянно переспрашивает: «Вам и правда так кажется?»

Но в отличие от многих, знавших Пташкина, но так и не понявших его, Вика все-таки разглядела в «коренастом, вертком, синеглазом» пожарнике человека сильного, доброго и справедливого, с открытой душой. А разглядев, ответила на его большую любовь...

Эта «Повесть о Пташкине» опубликована в майском номере журнала «Дружба народов». Для ее автора, Николая Омельченко, она — первый выход к широкому всесоюзному читателю. Выход обещающий и обнадеживающий — повесть написана умелой рукой, чувствуется, что ее автор имеет известный литературный опыт. Впрочем, это и понятно: ведь молодой харьковчанин — не новичок в литературе, он автор трех небольших по объему прозаических книжек, вышедших в Харьковском издательстве, нескольких рассказов, печатавшихся в журнале «Советская Украина».

В новой повести Николая Омельченко есть свои неоспоримые находки: сочные детали в воссоздании повседневного быта рабочего поселка, ненавязчивый авторский юмор, добрая усмешка в описании сцен «паломничества» парней с газопромысла в больницу, где работает фельдшером Вика, или спортивного праздника, когда Пташкин и Хорунжий — два соперника — состязаются друг с другом за «лавры победителя».

Удачен главный образ повести — образ Пташкина. В обрисовке его особенно полно проявляется умение автора наблюдать, быть верным герою, его душевным состояниям. Н. Омельченко всюду стремится к точности психологических мотивировок, и такое стремление чаще всего успешно. Вот, например, Вика замечает, что лицо Пташкина испещрено шрамами. Он смущен, он стыдится своих шрамов, — они «только уродуют его». Рассказать Вике о войне, о пожарах, которые приходилось ему тушить и которые оставили свой след на его лице? Но Пташкин стесняется говорить о себе, да к тому же и в военной биографии своей не видит ничего особенного — зачем же рассказывать о том, что «люди называют подвигами»? И он отшучивается: «...Пустяк, по пустячному делу они мне достались... Стена завалилась. А я по дурости и неопытности рядом оказался. Вот и долбануло кирпичом по башке». Но тот же Пташкин, запинаясь от смущения, ищет вдохновенные слова, чтобы объяснить Вике, почему он стал пожарником. Нет, здесь уже невозможно отшутиться — ведь речь-то идет о том главном, чему посвятил себя Пташкин, и ответа требует человек, которому он уже верит, который — он это знает — поймет его и не засмеется. «Закончил я строительный техникум и только начал работать — война... Стал солдатом в пожарной команде. Я видел, как огонь сжигал то, чему люди посвящали века, жизни. И я понял, что нет более... высокого, благородного или... как там это называют, короче, нет более... чем спасать то, что строили люди... И... вот после войны я стал делать все для того, чтобы не было пожаров».

В этом весь Пташкин — скромный до застенчивости во всем, что касается лично его, и способный на самоотречение в деле, которому посвятил себя. Он оказывается героем в самом высоком смысле этого слова, когда во время разразившегося на газопромысле пожара вступает в единоборство с огнем и побеждает ценой собственной жизни. Ни громких слов, ни аффектации — героический поступок Пташкина так же естествен, как естествен порыв всех тех рабочих газопромысла, что толпились на крыльце больницы, готовые лечь на операционный стол ради спасения товарища...

Писатель верно улавливает эту закономерность превращения скромного пожарника в героя, убедительно доносит ее. Тем чужероднее кажутся и авторская умиленность Пташкиным, и добродушная снисходительность в отношении к «житейским мелочам» его жизни, которые нет-нет да и дают знать о себе на протяжении повести. Думается, идет это от известной заданности авторских выводов.

Н. Омельченко крайне последователен в своем искреннем стремлении утвердить в качестве героя человека, о котором часто говорят «простой», «маленький» и который, конечно же, оказывается и не простым, и не маленьким. Но чтобы эта старая истина прозвучала свежо и по-новому, она, вероятно, должна нести в себе заряд новых мыслей и обобщений, а само повествование должно обладать той особой сдержанностью, той мужественной простотой, которые исключили бы и снисходительность автора к герою, и умиление им.

Многим сценам «Повести о Пташкине» недостает такой простоты и сдержанности. Потому и вызывает она порой ощущение какой-то повторенности уже не однажды сказанного, хотя невозможно не отдать должного добрым намерениям Н. Омельченко и не порадоваться ощутимым в его новом произведении чертам начинающейся писательской зрелости.

В. ОСКОЦКИЙ

Н. Омельченко. «Повесть о Пташкине». Журнал «Дружба народов». № 5. 1961.

РЕПЛИКИ

«СЕМЬ ПАР ЧИСТЫХ» И «СЕМЬ ПАР НЕЧИСТЫХ»

В пятом номере «Невы» опубликована большая статья В. Друзина «О современной молодой поэзии». Тема статьи чрезвычайно актуальна. Молодая поэзия наша сейчас, как никогда, нуждается в пристальном и серьезном внимании критики.

В статье немало верного. Справедливы отдельные конкретные оценки. Справедливы некоторые критические замечания в адрес сборника «День поэзии — 1960». Действительно, лучшие материалы этого сборника находятся не в основных, а в дополнительных разделах, особенно в отделе «Солдатский обелиск», где помещены стихи поэтов, погибших на войне. В общем верны и некоторые определения, касающиеся «болезней», показательных для многих наших молодых поэтов.

Начатый В. Друзиным разговор, без сомнения, мог бы стать полезным и плодотворным, если бы не одно важное обстоятельство.

Помимо отдельных верных наблюдений, частных замечаний и нескольких справедливых оценок, в статье В. Друзина содержится несколько необычный взгляд не только не молодую поэзию и не только даже на поэзию наших дней, но и на всю историю советской поэзии вообще. Взгляд этот вкратце таков. Всегда были поэты, работающие интересно и плодотворно, но не стремящиеся к шуму, скромные, тихие. А рядом с ними подвизались другие, менее талантливые, менее интересные, но в силу каких-то необъяснимых причин «неожиданно концентрирующие на себе всеобщее внимание». В 20-е годы таким «модным» поэтом, заслонившим своих «тихих» и «скромных» собратьев — Маяковского, Демьяна Бедного, Есенина, Тихонова и других, — был, по мнению В. Друзина, Иосиф Уткин. Однако, к счастью, ныне историческая справедливость восстановлена, Уткин почти забыт. Но возмездие постигло, оказывается, не только Уткина.

«Лет пятнадцать назад, — продолжает автор статьи,— подобная история повторилась. На этот раз «модным» стал Константин Симонов, поэт даровитый, но никак не превосходящий общей значимостью своих творческих достижений таких поэтов, как Александр Твардовский, Михаил Исаковский, Александр Прокофьев, Николай Асеев, Николай Тихонов, Владимир Луговской, Михаил Светлов, Ярослав Смеляков, Виссарион Саянов...» Затем следует грустно элегический вывод: «...Успех эстрадных выступлений Симонова был не меньший, чем у Уткина. Но прошли годы. И вот мы видим, как история ставит все на свои места: и Твардовского, и Луговского, и Светлова, и Саянова, и Симонова».

«Была «мода» на поэзию Симонова, — продолжает критик. — Была она, как всякая мода, шумна и распространенна, и — как всякая мода — прошла».

Не станем спорить с В. Друзиным по существу и выяснять, кого следует за столом советской поэзии усадить на более почетное место — Симонова или Саянова, Светлова или Смелякова... Пусть это решит тот «взыскательный читатель», к голосу которого апеллирует автор статьи. Хочется задать В. Друзину другой вопрос: что имеет он в виду, когда говорит, например, о «моде на Симонова»? Неужели то, что стихи Симонова «Убей его» и «Жди меня» переписывались от руки и хранились в солдатских гимнастерках вместе с письмами из дому и фотографиями любимых? Неужели это мода,—когда стихи поэта помогают солдату защищать Родину от врага?

Свой странный принцип разделения советских поэтов на «чистых» и «нечистых» В. Друзин проводит последовательно и упорно. Так, говоря о сборнике «День поэзии — 1960», он замечает, что в нем напечатано немало стихов поэтов, «свободных от влияния декадентства». Следует перечисление фамилий: М. Светлов, Н. Асеев, С. Смирнов, А. Коваленков, В. Кулемин, М. Алигер, Н. Анциферов, А. Межиров, С. Поделков.

А остальные советские поэты? Они свободны от влияния декадентства? В. Друзин о творчестве ряда поэтов так прямо и говорит, что оно характеризуется «возрождением декадентских принципов».

«В главном разделе сборника... можно увидеть целую группу поэтов, возглавляемую маститым С. Кирсановым и более молодым Е. Евтушенко»... Кто же входит в эту «группу»? А вот: Ю. Панкратов, В. Боков, С. Евсеева, Д. Самойлов, Ю. Левитанский, Э. Котляр. Спору нет, можно критиковать стихи Кирсанова и Евтушенко. Вероятно, заслуживают критики стихи и других перечисленных поэтов. Но очень трудно, не рискуя попасть в смешное положение, зачислять таких, уже вполне сложившихся поэтов, как В. Боков и Д. Самойлов, в «группу», возглавляемую Евтушенко. А главное, для чего понадобилось В. Друзину во что бы то ни стало разделить большой отряд самых разных, непохожих друг на друга поэтов на «семь пар чистых» и «семь пар нечистых»? Ссылаясь на отдельные претенциозные, неудачные строки, а то и вовсе ни на что не ссылаясь, В. Друзин приклеивает к именам поэтов, обладающих самыми разными достоинствами и самыми разными недостатками, ярлык декадентства...

В конце своей статьи В. Друзин приводит еще один перечень имен: Михаил Беляев, Дмитрий Блынский, Анатолий Брагин, Иван Бурсов, Игорь Грудев, Юрий Мельников, Анатолий Приставкин, Владимир Савальев, Владимир Семакин, Владимир Фирсов, Владимир Цыбин. Всех этих молодых поэтов, по его мнению, объединяет то, что они выбрали себе «дорогу социалистического реализма в поэзии». Если мы правильно поняли В. Друзина, другие молодые поэты, о которых идет речь в его статье, выбрали себе какую-то иную дорогу? Кто уполномочил В. Друзина отлучать от социалистического реализма молодых советских поэтов, пусть даже в чем-то ошибающихся?

Пятый номер «Невы» со статьей В. Друзина вышел в дни, когда наша литературная общественность обсуждает новый партийный документ — статью Н. С. Хрущева «К новым успехам литературы и искусства». С новой силой партия говорит нам о том, какой должна быть настоящая критика, сколько внимания, бережного и доброжелательного, должно быть проявлено по отношению к произведению художественной литературы, в особенности если речь идет о молодых писателях. В атмосфере нашей сегодняшней литературной жизни статья В. Друзина прозвучала весьма странным анахронизмом.

В. МИХАЙЛОВ

ШВЕЙЦАРСКИЙ ДНЕВНИК

ЧЕЛОВЕК ЗАПАДА ИЩЕТ ПРАВДЫ

В. ЛЕОНТЬЕВ

С ЗАВЯЗАННЫМИ ГЛАЗАМИ

Мы мало знаем о современной Швейцарии. Швейцарцы мало знают о нас. Но и этим «взаимным неведением» нет сладства.

Классическая литература донесла до советского читателя облик маленькой горной страны — с ее альпийскими вершинами и лугами, изумрудными озерами, тысячами отелей и гостиниц и деревнями. История этого нейтрального государства, живущего полтора века без кровопролитий в самой гуще потрясающих человечество войн, известна со школьной скамьи. И как это часто бывало до войны при посещении далеких стран (в думах, в со многими другими путешественниками), впервые приехав в Швейцарию и «узнав» ее, я увидел ее такой, какой рисовали ее мне великие художники слова и кисти, собственное мое воображение. Да, это она, родина Вильгельма Телля, страна гор, чалов, озер и гостиниц! Ее не изменили самые бурные полустолетия в истории мира. Электричество вместо паровоза, автомобили иностранного производства, великолепные аэропорты, даже большие слова в моде королевы юбок — все не те «перемены», которые делают знакомое лицо неузнаваемым...

Швейцарцы в своем положении. С былой Родиной, скупо «пишущей» некоторыми европейскими интеллектуалами, на книги Льва Толстого, Достоевского, Чехова, принадлежит радикальнейшее, доныне сохранившее имя Великого Союза, страна передовой индустрии, блистательных достижений науки, всей в более полной, чем западная, демократии. Это небывалое содружество разноязычных народов, ведущих на необозримых пространствах такую увлекательную, преобразующую все и вся созидательную деятельность, какой не знал на свом веке народ в мире. Любое наше дерзание — а их сотни — потрясает воображение, не идет в сравнение ни с одним событием из всей истории Европы. Сотни тысяч западных умов — журналисты, политологи, экономисты, технократы, социологи — [illegible]

Ведь в тонне или лучше величиной тех стратегических «ядер», которые устроили противники заокеанским Западной Европы, армия Советской Армии под Сталинградом, блокируя знаменитые Канны Паулюса и все надгробные мемориалы сорокатысячного полуокруженного «котла» в Сталинграде, [illegible] и [illegible]. А [illegible] страны [illegible] [illegible] [illegible]